

УДК 392.51
ББК 63.5(2)

Матлин Михаил Гершенович

кандидат филологических наук, доцент
кафедра литературы

ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия
matlin@mail.ru

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ПОСЕЩЕНИЯ ВОДНОГО ИСТОЧНИКА В РУССКОЙ И МОРДОВСКОЙ СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Аннотация: Статья посвящена исследованию обряда послесвадебного цикла – посещение водного источника молодой или молодыми в русской и мордовской традиционной свадьбе. На основе анализа полевых записей и публикаций XIX–XX вв. определяется структура обряда и специфика его бытования в каждой из этнических традиций на территории Ульяновской области в XX в.

Ключевые слова: традиции, обряды, ритуал, русская свадьба, мордовская свадьба.

Matlin Mikhail Gershonovich

Candidate of Philological Sciences, Dotsent
Department of Literature

Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

WEDDING CEREMONY OF VISITING A WATER SPRING IN RUSSIAN AND MORDOVIAN WEDDING TRADITION OF THE ULYANOVSK REGION

Abstract: The article deals with the ritual cycle that takes place after wedding and includes visiting a water spring by the bride and the groom in Russian and Mordovian traditional wedding. Basing on the analysis of the field notes and publications of the XIX-XX centuries, the author, determines the structure of the rite and its specificity in each of the ethnic traditions in the Ulyanovsk region in the XX century.

Key words: traditions, rites, ritual, Russian wedding, Mordovian wedding.

Обряды послесвадебного цикла, в том числе и обряд посещения водного источника на второй или третий день свадьбы, почти не подвергались отдельному изучению, да и публикаций их в фольклорно-этнографических сборниках XIX–XX вв. весьма немного, хотя по имеющимся данным на территории России он существовал не только у восточно-славянских народов [3, с. 539; 5, с. 580; 10, с. 155–156; 8, с. 122–123; 17, с. 218, 479–480; 14, с. 83], финно-угорских [13, с. 273; 7, с. 339–340; 11, с. 142], тюркских [12, с. 145; 2, с. 26] и др. Это, с одной стороны, свидетельствует о независимом происхождении данного обряда у каждого из этносов, а с другой – в случае совместного компактного проживания и длительных культурных контактов между ними обуславливает возможность взаимовлияний и различного рода диффузий.

Большой интерес в этом отношении представляет Ульяновское Поволжье – полиэтничный регион, где в течение трехсот лет эти контакты осуществлялись с разной степенью активности как в более или менее моноэтниче-

ских регионах, так и в смешанных, особенно на границах с соответствующими республиками.

Рассмотрим особенности бытования указанного обряда, анализируя записи из фольклорного архива кафедры литературы УлГПИ им. И. Н. Ульянова и некоторые публикации XIX–XX вв.

Русская традиция

«Затем молодой устраивали испытание: она метет избы, гости кидают мелочь туда, где она подмела, и кричат: “А невеста-то у вас не работница!” <...> Затем: “А умеет ли она за водой ходить?” И опять озорство начиналось. Лишь наберет молодая в колодце воду, кто-нибудь подбежит и опрокинет их. Она снова по воду идет. Намучают бедную так, что аж пот по лицу течет, причем жених ей не помогает, а стоит со всеми и смотрит: какая ему жена досталась?» (13.07.1995; р. п. Кузоватово Кузоватовского района Ульяновской области; Чудеснова Надежда Михайловна, 1925 г. р., русская; зап. Шихова С. М.).

Мордовская традиция

«На третий день идут за водой, на родник идут за водой. Невесте дают коромысло, два ведра. Это коромысло завернуто полотенцем,

* Работа проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00254).

красивым, обшитым, весь красивый с кружевами для невесты. Вот положат на плечи: «Идемте!». Гармошка, опять одеваются, кто как сумеет, берут вино, берут закуску. Вот, примерно, колодец, так колодец. Раньше большинство колодцы были, а сейчас ведь колонки. Если колодец, она идет, тащит, тащит, тащит – ра-аз! Возьмут опрокинут – обратно. Она опять тащит, тащит, тащит, тащит – ра-аз! – обратно. Если жених успеет отцепить ведро – и бегом – за женихом бегут. Если поймали, так обратно ведро взяли. Не поймали – так пошел, принес воды домой – все. [Эти испытания носили шуточный характер?] – Шуточный, конечно, шуточный, шутки. Мы уже раньше все время невесту предупреждали: “Ты уж не сердись! Это все шутки, не сердись!” Она и не сердилась, нет» (10.07.2009; р. п. Павловка Ульяновской области; Руссяева Зинаида Яковлевна, 1938 г. р., мордовка, родилась в с. Илюшкино Павловского района Ульяновской области; свадьба была в с. Илюшкино в 1959 г.; зап. Ибрагимова Д. М.).

Как видно из приведенных примеров, русский и мордовский обряды имели общую ритуальную основу – посещение молодой/молодыми водного источника, совпадали и некоторые детали: например, воду набирали из колодца; зрители старались разлить ее; для молодой этот обряд был своеобразным испытанием со стороны мужа и его родных. Похоже в данных описаниях и отношении участников обряда к нему – смеховое.

Обобщая все имеющиеся архивные записи данного обряда (русские и мордовские), сделанные на территории Ульяновской области, можно так описать его инвариантную структуру.

1. Причина, по которой посещают водный источник;
2. Цель посещения водного источника;
3. Тип водного источника;
4. Состав посещавших водный источник;
5. Действия у источника до набора воды;
6. Добывание воды из источника;
7. Действия с водой, добытой из источника;
8. Действия по дороге домой от источника;
9. Действия с водой в доме.

Рассмотрим теперь некоторые из указанных элементов и актов, зафиксированные на территории Ульяновской области как в русской, так в мордовской свадьбах.

В русской традиции Ульяновской области выявлены все четыре причины отправления молодой или молодых на источник из зафиксированных – посещение источника с благословления старших, отправление на него с указанием отправителя, посещение без указания отправителя, отведение на источник. «Утром встанут: “Тятенька, маменька, благословите на работу”. Пойдут за водой» (17.07.1979 г.; с. Солдат-

ская Ташла Теренгульского района Ульяновской области; Анисимова Александра Семеновна, 1900 г. р.; зап. Т. Васильева). «На второй день родственники жениха рано будят их, посылают за водой. При этом родственники жениха мешают принести воды: сыпят в ведро камни, мусор» (14.07.1991; р. п. Николаевка Николаевского района Ульяновской области; Аргуткина Нина Николаевна, 1949 г.р., русская; зап. Аргуткина З. А.). «Молодая выполняла [на второй день. – М. М.] различную работу: ходила за водой, доила корову, могла даже затеять испечь пироги» (11.07.1996; с. Прислониха Карсунского района Ульяновской области; Шарымова Дарья Федоровна, 1915 г. р., местная; зап. Карпунина Н. А.). «На второй день перед пиром молодых ведут к роднику или речке» (09.07.1978; с. Карпаты Вешкаймского района Ульяновской области; Жидкова Анна Григорьевна, 1907 г. р., русская, родилась в с. Сурки Вешкаймского района Ульяновской области; зап. Чередникова М. П.).

В мордовской свадьбе на территории Ульяновской области зафиксировано только три варианта – отсутствует благословление старших. «После [на второй день. – М. М.] все ряженные и жених с невестой идут к колодцу за водой» (17.07.1986; с. Давыдовка Николаевского района Ульяновской области; Чувашова Екатерина Емельяновна, 1918 г.р., мордовка; зап. Попова Н. Г.). «Примерно через месяц после свадьбы бывают “горны”. После “горнов” молодую посылают на речку за водой или полоскать белье» (15.07.1995; с. Томылово Кузоватовского района Ульяновской области; Ключникова Анна Павловна, 1910 г.р., мордовка; зап. Юрченкова Е. В.). «На второй день невесту выводили за водой» (23.07.1989; с. Белое Озеро Николаевского района Ульяновской области; Бакина А. Е., мордовка; зап. Енотова Е.).

К сожалению, в имеющихся записях не отмечено, кто ведет ее, и только в одном сказано, что «на утро второго дня невесту брат жениха водил показывать колодец» (07.1993 г.; с. Мордовская Темрязань Барышского района Ульяновской области; Еремеева Ефросинья Никитична, 1912 г. р., мордовка; зап. Роганов Н.). Однако, как полагал М. Евсевьев, хождение молодой в мордовской свадьбе к источнику самостоятельно – поздний вариант традиции. «Помаевцы, судя по языку и некоторым сохранившимся старинным обрядам и обычаям, выходцы из (бывш.) Арзамасского уезда Нижегородской губернии, занимаются, кроме земледелия, выделкой овчин и торговлей, они как промысловый народ значительно обрусели, многие старые обычаи оставили. Оставили и обряд вывода молодой на воду. Но обычай этот здесь

молодушка сама выполняет, так как без этого она не может ходить за водой ни в колодезь, ни на реку» [7, с. 340].

Из этих примеров видно, что данный элемент обряда во всех этнических традициях обладал вариативностью. Она определялась степенью активности молодой/молодых, что можно объяснить историческими изменениями в народной жизни и брачно-свадебной традиции. Видны здесь и определенные этнокультурные особенности. Так, в частности, особенностью русской традиции в сопоставлении с мордовской можно считать посещение источника молодой/молодыми с благословления старших (родителей), тогда как в мордовской свадьбе таковой может быть названа традиция отводить молодую на источник – показывать его.

Цель посещения водного источника зафиксирована всего в двух вариантах, но в русской свадьбе Ульяновской области абсолютно преобладала только одна – проверка молодой/молодых на хозяйственность, терпеливость и проч. «До прихода ряженных молодая мыла посуду, ходила по воду. Это было ее своеобразным испытанием, ибо все смотрели, чтобы она воду не расплескала “да накрыть не забыла”» (с. Араповка Сурского района Ульяновской области; Старостина Матрена Николаевна, 1925 г. р.; зап. Кожаева Е. А.).

Вторая цель посещения – молодая должна напоить пославших ее за водой – зафиксирована только в с. Баклуши Павловского района. «Утром [второго дня. – М. М.] приходили невестины родители и били горшки, кринки, черепки – это означало, что невеста – честная. Подходили к невесте и говорили: «Пить хотим». Невеста приносит воды, а они говорят, что грязная, и заставляют идти еще раз» (29.08.1978; с. Баклуши Павловского района Ульяновской области; Сидорова Мария Георгиевна, 1898 г. р., русская; зап. Хисаметдинова Н. Х.).

В мордовской свадебной обрядности на территории Ульяновской области по данным XX в. тоже существовала только первая цель посещения. «Затем [на второй день после того, как найдут «ярку». – М. М.] все вместе идут к колодцу, где невеста должна наполнить водой решето» (15.07.1996; с. Телятниково Николаевского района Ульяновской области; Олешина Мария Яковлевна, 1934 г. р., мордовка; зап. Кургашова Н.). Но, по данным М. Евсевьева, в конце 80-х годов XIX в. в с. Малые Кармалы Буинского уезда Симбирской губернии присутствовала и вторая – напоить водой родственников мужа. «Дома ведра ставились на обычное место, и молодуха начинала обносить принесенной водой гостей. Сначала она подносила свекру, а потом

и всем остальным. Все пили воду и хвалили молодую за то, что она принесла воды» [7, с. 340]. Правда, необходимо отметить, что по нынешнему административно-территориальному делению это село находится в Буинском районе Республики Чувашии и национальный состав в нем смешанный – мордва и чувашаи.

Таким образом, посещение источника как форма испытания молодой/молодых было характерно для русской и мордовской свадебной традиции. Реализовывалось это испытание в двух основных формах – серьезной и шуточной. В обеих этнических традициях Ульяновской области абсолютно преобладала одна цель посещения водного источника – проверка молодой/молодых на хозяйственность, терпеливость и проч. Вторая цель посещения зафиксирована только в с. Баклуши Павловского района, где молодую за водой отправляли ее родственники, и их же, соответственно, она должна была напоить. Но в связи с тем, в Павловском районе 19% жителей составляет мордовское население, можно предположить, что такой вариант обрядового акта возник под влиянием мордовской свадебной традиции.

Из водных источников, которые посещали молодая/молодые, в имеющихся записях названы три типа – родник или ключ, колодец и река. А так как все они существовали в русской свадьбе на территории Ульяновской области, то можно утверждать, что в XX в. выбор источника не мотивировался какими-либо мифологическими представлениями и верованиями, спецификой ритуального процесса, а, скорее всего, зависел от особенностей использования воды в данном селе для разных бытовых нужд. И в большинстве записей фиксируется семейно-бытовой характер этого посещения, четко указывая на его прагматику – включение молодой женщины в новую семейно-родовую общность.

В мордовской свадебной традиции, хотя отмечены и река, и родник в качестве источников воды в данном обряде, но все же абсолютно преобладает колодец. В 11 имеющихся записях родник и река указаны только по одному разу, а колодец – 9.

Ритуально-магический характер выбора именно колодца отчетливо проступает в описании этой традиции, данной М. Евсевьевым. «Затем подводят ее [молодую. – М. М.] к колодцу и объявляют, что взяли сноху, которая будет приходиться к колодцу и утром рано и вечером поздно, чтобы хранительница колодца полюбила ее. Невеста и ей отвешивает поклон и дарит кольцо» [7, с. 339]. Однако в прошлом, как полагает Т. П. Девяткина, посещали реку или родник, так как это было связано с ритуалом в честь богини

воды Ведявы. «Интересный ритуал, совершаемый в честь богини воды – Ведявы, зафиксирован А. Примеровым. “Из свадебных обрядов достойно особенного внимания речное или родниковое шествие обвенчанной невесты. Оно совершается так: одетая в сапоги и большие рукавицы невеста отправляется от брачного ложа к реке или роднику. Во время шествия определяют ее название, каким должны честить ее младшие в семействе”. Здесь же, на берегу реки, устраивалось моление в честь покровительницы воды Ведявы. В совершаемом ритуале проявляются отголоски, связанные с культом Ведявы» [6, с. 45].

Принесение воды могло совершаться одною молодою, молодой вместе с молодым, а также в нем могли участвовать родственники мужа, дети, гости свадьбы, в том числе и ряженные. В записях в архиве кафедры литературы УлГПИ им. И. Н. Ульянова это посещение выступает или как своеобразное (смеховое) испытание молодой/молодых, или является семейно-бытовым обрядовым действием, призванным обозначить включение новобрачных в патриархальную семью.

В тех случаях, когда за водой ходили оба новобрачных, роль молодого могла быть пассивной – он только сопровождал свою супругу, активной – он помогал ей на разных этапах обряда или становилась активной на завершающем этапе.

Минимальным было участие молодого и в мордовской свадебной традиции. Только в двух случаях зафиксированы его действия: в с. Холстовка он вместе с молодой бросает в воду деньги, а в р. п. Павловка, чтобы помочь своей молодой жене, должен отцепить ведро с водой, которое она несет от источника. «Дают невесте ведра, ведут ее к колодцу за водой. Дойдя до колодца, молодые бросают в воду деньги. Набирает воду молодая, а гости стараются вылить воду» (10.07.1993; с. Холстовка Павловского района Ульяновской области; Нуждина Александра Петровна, 1948 г. р., мордовка, местная; зап. Трифонова О.).

В отличие от русской свадьбы в мордовской не зафиксировано участие в обряде какого-либо свадебного чина, хотя, как отмечал М. Евсевьев, возможен был сопровождающий из рода невесты. «День или два спустя после свадьбы она [молодая. – М. М.] берет новое полотенце и в сопровождении девочки из своего дома или из родни отправляется на реку или на родник (село и окрестности изобилуют родниками)» [7, с. 340].

Приведенные примеры показывают, что как в русской, так и в мордовской свадебной

традиции, хотя и сохранилось осмысление этого посещения как «объединения», ритуально-магическая семантика к середине XX в. была уже в целом утрачена.

Рассмотрим теперь варианты действий у источника до набора воды.

В русской свадьбе на территории Ульяновской области зафиксирован лишь один случай ритуального действия у колодца перед набором воды – бросание колечка. «На второй день молодая поутру идет за водой. У колодца бросает колечко. Это чтоб муж ей был верен» (19.07.1984; с. Назайкино Теренгульского района Ульяновской области; Жалеева Ольга Игнатьевна, 1919 г. р.; зап. Прокофьева С. А.).

В мордовской свадьбе на территории Ульяновской области также зафиксирован только один вариант – бросание кольца/колец или денег. «Примерно через месяц после свадьбы бывают “горны”. После “горнов” молодую посылают на речку за водой или полоскать белье. Ребятишки, увидев ее, бегут к речке и не пускают подойти. Требуют выкуп. У молодуюшки в руках несколько медных колец. Она кидает их детям, и ее пропускают. И куда бы ни шла молодуюшка в первый раз (в первый раз к колодцу, к речке и т. д.) ее везде атакуют дети, требуют кольцо» (15.07.1995; с. Томылово Кузоватовского района Ульяновской области; Ключникова Анна Павловна, 1910 г. р., мордовка; зап. Юрченкова Е. В.).

Таким образом, здесь, как и в русской традиции, в целом, можно отметить два значения обрядового акта – отдание под покровительство «хранительнице колодца» и выплата своеобразной дани детям как представителям рода мужа.

Весьма разнообразны были действия над молодой/молодыми по дороге домой от источника.

В русской традиции на территории Ульяновской области это прежде всего действия окружающих, которые должны были помешать молодой донести воду до дома – ее расплескивали, отнимали и выливали, в ведра сыпали камни, мусор. «На второй день гуляли и у жениха, и у невесты. Молодых заставляли носить воду: проверяли хозяйственность. Невеста воду несет, а ее на полдороге остановят и выльют. Она возвращается» (18.07.1995; с. Малая Борла Кузоватовского района Ульяновской области; Суркова Пелагея Ивановна, 1913 г.р.; зап. Сергеева Л.).

В мордовской свадьбе также встречается опрокидывание ведра с водой у молодой, но в отличие от русской для носителей традиции актуальной оставалась ритуально-мифологическая семантика этого действия – «Невеста старается донести ведра полными, чтобы брак был

счастливым» (10.07.1993; с. Холстовка Павловского района Ульяновской области; Нуждина Александра Петровна, 1948 г. р., мордовка, местная; зап. Трифонова О.).

Завершением данного обряда были действия с водой в доме, которые могли иметь как бытовое, так и ритуальное значение.

В русской традиции на территории Ульяновской области молодая могла просто передать принесенную воду свекрови, обязана была не забыть накрыть ведро, воду могли вылить родственники мужа и потребовать, чтобы она сходилла еще раз, а по ее ответному действию – соглашалась или нет – судили о характере молодой.

В мордовской свадьбе на территории Ульяновской области какие-либо действия с водой после ее принесения не зафиксированы, но, как отмечал М. Евсевьев, существовала традиция поить принесенной водой родных мужа. «Дома ведра ставились на обычное место, и молодуха начинала обносить принесенной водой гостей. Сначала она подносила свекру, а потом и всем остальным. Все пили воду и хвалили молодую за то, что она принесла воды» [7, с. 340].

Вариативностью, этнодиалектными различиями в той или иной степени обладают и другие элементы данного обряда.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод, что обряд после-свадебного цикла – посещения водного источника – в XX в. был весьма значим и в русской, и в мордовской свадьбе. Он состоял из большого количества элементов и актов, обладавших вариативностью. Во всех этнических традициях прагматика обряда в целом, отдельных обрядовых актов в частности, было нацелена на включение молодой женщины в семейно-родовую и общинную группу мужа. По-разному в русской и мордовской свадьбах взаимодействовали празднично-игровое, смеховое начало и ритуально-магическое. Наличие данного обряда у разных этносов показывает, что сформировался и развивался он у каждого из них самостоятельно, так что говорить о каких-либо явных заимствованиях одного народа у другого на территории Ульяновской области, за редким исключением, не представляется возможным. В основе его, вероятно, лежат мифологические представления, связанные с водой и водными источниками, а также общинные и семейно-родовые нормы и законы, регулировавшие создание новой семьи и ее включение в существующие социальные общности.

Отдельные элементы и акты как в русской, так и в мордовской свадьбе, которые не имеют параллелей в традициях других этносов на данной территории, могут быть определены как региональные этнодиалектные особенности, а те

из них, которые выделяются из этнической традиции региона и зафиксированы в единичных вариантах, могут быть квалифицированы как локальные этнодиалектные особенности. На территории Ульяновской области в мордовской свадьбе ритуально-мифологическая семантика обряда и отдельных обрядовых актов сохранялась частично до середины XX в., тогда как в русской свадьбе она была полностью утрачена, и определяющим стало празднично-игровое и смеховое начало. Однако его существование в обряде, скорее всего, обусловлено неотъемлемой и важнейшей стороной ритуала перехода, о котором писали исследователи как традиционных обрядов, так и современных социально-культурных процессов [4, с. 121–130; 16, с. 231–232, с. 247–251; 15, с. 100–101; 1, с. 90–95; 9, с. 138–197].

Список использованных источников

1. Артемова, Ю. А. Смеховое поведение: формы и функции (этнологопсихологический аспект) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. / Ю. А. Артемова. – М., 2006. – 203 с.
2. Ахмаров, Г. Н. Свадебные обряды казанских татар / Г. Н. Ахмаров // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXIII. Вып. 1–6. 1907. – Казань : Типолитография Императорского университета, 1908. – С. 1–38.
3. Валенцова, М. М. Колодец / М. М. Валенцов, Л. Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 2. Д–К. – М. : Международные отношения, 1999. – С. 536–541.
4. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Ван А. Геннеп. – М. : Вост. лит., 1999. – 198 с.
5. Гура, А. В. Конец свадьбы / А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 2. Д–К. – М. : Международные отношения, 1999. – С. 580–583.
6. Девяткина, Т. П. Мокшанские свадебные обряды и песни: (В прошлом и настоящем) / Т. П. Девяткина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1992. – 192 с.
7. Евсевьев, М. Е. Мордовская свадьба / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 384 с.
8. Зорин, Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье / Н. В. Зорин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. – 200 с.
9. Лащенко, С. К. Заклятье смехом: опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян / С. К. Лащенко. – М. : Ладомир, 2006. – 316 с.
10. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / с ввводной статьей проф.

Л. Я. Штернберга. – Л. : Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. – 267 с.

11. Попова, Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян: (конец XIX – 90-е годы XX вв.) / Е. В. Попова. – Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 241 с.

12. Салмин, А. Народная обрядность чувашей / отв. ред. член-кор. РАН С. А. Арутюнов / А. Салмин. – Чебоксары : Чувашский гуманитарный институт, 1994. – 339 с.

13. Смирнов, И. Н. Марийская свадьба / И. Н. Смирнов, И. С. Попов // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М. : Наука, 2000. – С. 269–273.

14. Сумцов, Н. Ф. Символика славянских обрядов : избр. тр. / Н. Ф. Сумцов. – М. : Вост. лит., 1996. – 296 с.

15. Сычев, А. А. Природа смеха или Философия комического / А. А. Сычев. науч. ред. д-р филос. наук Р. И. Александрова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 176 с.

16. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Главная редакция издательства восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.

17. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края Т. I. Ч. 2. / П. В. Шейн. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1893. – С. I-XXVI+1-585. (Белорусский сборник. Отд. 1. Обряды свадебные.) (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 51. № 3.)

References

1. Artyomova Yu. A. Laughter: forms and functions (ethno-logo-psychological aspect): abstract of a thesis... cand. hist. sciences: 07.00.07. M. 2006, 203 p.

2. Akhmarov N. Wedding ceremonies of the Kazan Tatars. Proceedings of the society of archeology, history and ethnography at the Imperial Kazan University. V. XXIII. Issues 1-6. 1907. Kazan: Imperial University Typolithography, 1908, pp. 1–38.

3. Valentsova M. M., Vinogradova L. N., Kolo-dets M. M. Slavic antiquities. The ethno-linguistic dictionary under the editorship of N. I. Tolstoy. In 5 v. V. 2. D-to. M: International Relations, 1999, pp. 536–541.

4. Gennep A. van. Transition ceremonies. Systematic studying of ceremonies. M: East Literature, 1999, 198 p.

5. Gura A. V. The end of the wedding ceremony. Slavic antiquities. The ethno-linguistic dictionary under the editorship of N. I. Tolstoy. In 5 v. V. 2. D-to. M: International Relations, 1999, pp. 580–583.

6. Devyatkina T. P. Moksha wedding ceremonies and songs: (In the past and the present). Saransk: Mordovian Publishing House, 1992, 192 p.

7. Evseyev M. E. Mordovian wedding. Saransk: Mordovian Publishing House, 1990, 384 p.

8. Zorin N. V. Russian wedding in the Middle Volga Region. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1981, 200 p.

9. Lashchenko S. K. Laughter spell: Experience of interpretation of pagan ritual traditions of the Orthodox Eastern Slavs. M: Ladomir, 2006, 316 p.

10. Materials on a wedding and family patrimonial system of the people of the USSR. With an introduction article of prof. L. Ya. Shternberg. L.: Edition of the Commission on the device of the student's ethnographic excursions, 1926, 267 p.

11. Popova E. V. Family customs and ceremonies of the Besermans: (The end of the XIXth – the 90s of the XXth centuries). Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and literature. Ural division of the Russian Academy of Sciences, 1998, 241 p.

12. Salmin A. The Chuvash national ceremonialism under the editorship of a corresponding member of the Russian Academy of Sciences S. A. Arutyunov. Cheboksary: Chuvash Humanitarian Institute, 1994, 339 p.

13. Smirnov I. N., Popov I. S. The Mari wedding. People of the Volga and the Ural Regions. Komi-Zyrians. Komi-Permyaks. Mari. Mordva. Udmurts. M: Science. 2000, pp. 269–273.

14. Sumtsov N. F. Symbols of Slavic ceremonies: selected works. M: Eastern literature, 1996, 296 p.

15. Sychev A. A. Nature of laughter or philosophy of the comic. Under the scientific editorship of a doctor of philos. sciences R. I. Aleksandrova. – Saransk: Publishing House of Mordovian University, 2003, 176 p.

16. Turner V. Symbol and ritual / V. Turner. M: Main edition of eastern literature of Nauka Publishing House, 1983, 277 p.

17. Sheyn P. V. Materials for studying of a life and language of the Russian population of the North Western Region. V. 1. P. 1. SPb. : Publishing House of Imperial Academy of Sciences, 1893, pp. I-XXVI+1-585.

Поступила 23.04.2013 г.